

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ЛО ИВ АН СССР
(краткие сообщения и автоаннотации)

I

Издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1975

К ИСТОРИИ СЛОВ "СУНДУК" И "ФЕЛУГА"

Эти два слова относятся к разным областям лексики и имеют в русском языке очень неодинаковое распространение. Если "сундук" — общерусское слово, имеющее широкий ареал, то "фелуга" сохраняет черты регионального, обозначающего предмет чисто местного распространения — особый тип парусного судна на Черном и Средиземном морях. Попали они в русский язык в разное время и совершенно разными путями: первое — из турецких языков, второе — через французский из испанского¹.

Однако оба слова объединяет, видимо, на ранних этапах их истории одинаковый источник и одинаковый путь распространения: оба они засвидетельствованы в арабском языке, куда, как считается, попали из греческого.

Новые данные о ранней истории этих двух слов дает сабейская надпись Ру 533, опубликованная 20 лет назад, но лишь недавно привлекавшая к себе внимание.

Этот текст сообщает о походе сабейского царя Ша'ира 'Автара (около 190—206 гг. н.э.) против Хадрамаута, о захвате столицы Хадрамаута Шавы и важного портового города Кана' на побережье Индийского океана.

В числе добычи, захваченной в Кана' автором надписи, упоминаются "47 'śdqm/w'f1km", что уже первый издатели надписи, Г.Рикманс, перевел "47 кораблей и фелук"². Впрочем, это толкование не получило общего признания: А.Хамм предложил понимать эти слова как названия тары, в которую была уложена добыча³.

Недавно йеменский ученый М. ад-Ерйани опубликовал новую надпись, сообщающую о походе Ша'ира 'Автара на Шаву и взятии Кана' (вт.12)⁴; в ней сообщается о сожжении кораблей (wfn) в Кана'. Это позволило Ж.Рикмансу вновь вернуться к рассмотрению текста Ру 533⁵. Он поддержал прежний перевод Г.Рикманса и подробно остановился на анализе терминов. По его мнению 'r1k — множественное число от fulk "корабль", к которому и восходит французское felouque "фелуга", а 'śdqm — также множественное число от śdq (с закономерным выпадением безгласного п). Это слово он сопоставляет с арабским sundūq (которое засвидетельствовано и в написании sundūq) "ящик", указывая аналогичную

эволюцию значений во французском *vaisseau* "сосуд, корабль" (ор. русские "посудина", "корыто"). Слово *fulk* И.Рикманс возводит, следуя существующим этимологиям, к греческому *efolkion*, тогда как *zandūq*, по его мнению, имеет индийское происхождение. Это позволяет ему сделать вывод, что ижноарабское мореплавание было связано и с индийским, и с греческим, заимствуя и там, и там названия для своих кораблей⁶.

Эта интерпретация нуждается в ряде уточнений. Сабейское *šdq* следует связывать, прежде всего, с арабским *ṣaḥbūq* "корабль", до сих пор употребляющемся в Йемене для обозначения наибольших из местных кораблей, на которых совершаются плавания и в Африку до Занзибара и Мадагаскара, и к берегам Индии и островам Индонезии. В исходной форме *-šandūq* группа близких по артикуляции язычных согласных *nd*, к тому же соседствующая с еще одним согласным того же типа *š*, диссимилируется в *nd* и дает йеменское слово *ṣaḥbūq*. Другой путь развития идет через диссимиляцию *š* в *z* (впрочем, вообще при передаче иноязычных звуков весьма часто используются эмфатические). Этот вариант слова с основным значением "ящик,местилище", не связанный с конкретной реальией ижноарабского быта, получил широкое распространение в классическом арабском, а через него — в тюркских языках.

Таким образом, перевод интересующего нас места *fu* 533,9 становится ясным: "47 самбуков и фелук", обозначения двух видов кораблей. В связи с этим следует, видимо, пересмотреть происхождение арабского слова *fulk* "корабль". Действительно, для классического арабского языка заимствование из греческого морского термина в районе Средиземноморья в VII-VIII вв., когда арабы впервые осваивали мореплавание, представляется вполне логичным. Иное дело, если термин восходит к сабейскому и засвидетельствован в бассейне Индийского океана на рубеже II-III веков. Здесь обстановка для заимствования была явно неблагоприятной и для такого предположения требуются более серьезные и убедительные доказательства.

Впрочем, греческие суда в этот период достигали Индийского океана, так что в принципе возможно и заимствование в сабейском. Поэтому остановимся на этом несколько подробнее.

Слово *ἑρῶλκλον*, к которому возводят арабское *fulk* — далеко не обычное для греческого обозначения морского судна.

Основное его значение - "маленькая лодка, которую буксируют за судном"⁷ и его применение для обозначения морского корабля само по себе достаточно странно. Однако следует отметить, что оно встречается в греческом сочинении, описывающем мореходство по Красному морю и Индийскому океану - анонимном "Перипле Эритрейского моря"⁸, датированном началом III в. н.э., т.е. почти точно совпадающем по времени с надписью Ку 533.

Правда, и здесь этот термин - не основной для обозначения морского судна и встречается, насколько можно судить, в тех случаях, когда упоминаются суда из портов Южной Аравии - Музы или Кане (Перипл, §§ 16, 33). В большинстве других случаев автор "Перипла" называет корабли обычным греческим термином πλοῦον (§§ 27, 32, 36 и т.д.). По-видимому, это показывает, что в "Перипле" греческое ἐφάλακτον употребляется именно как эквивалент сабейского fulk, может быть, по созвучию или как "народная этимология".

Особенно интересен в этом отношении § 33 "Перипла", где сообщается, что на остров Сараписа "обычно ездят за товаром люди из Кане на *εκάυρη καὶ ἐφάλακτε*". В русском переводе "Перипла" это передается "на кораблях и грузовых судах", что представляет собой скорее пересказ, чем перевод. Это место во многих отношениях является параллелью к надписи Ку 533: то же время, тот же порт Кана' и также два вида кораблей, обозначаемых разными терминами.

Мы уже отмечали, что ἐφάλακτον употребляется как эквивалент fulk; остановимся на первом термине.

Греческое *εκάυρη* - также необычное обозначение судна. Первое значение этого слова - "лохань, кадка, горшок", и лишь второе - "маленькая лодка, ялик"⁹. Именно в этом втором значении оно употребляется и в "Перипле" (§§ 3, 7) и передается переводчиком в этих местах "лодка". Таким образом, и это слово представляет полный эквивалент сабейскому *šdq < ándq*, хотя и не по значению "корабль", но по основному значению и семантическому развитию (ср. русское "корыто").

Это совпадение не случайно: автор "Перипла", хорошо знакомый с торговлей по "Эритрейскому морю", несомненно исходил в своем описании из ижноарабских реалий и ижноарабских названий, отразив достаточно точно обе эти стороны.

Таким образом, следует отказаться от мысли рассматривать арабское и сабейское *fuik* как заимствование из греческого. По-видимому, это исконное сабейское слово, восходящее к корню *fik*, известному во многих семитских языках. Это место "Перипла" заставляет считать, что оба арабских слова - йеменское *zambūq* и общеарабское *sundūq* - являются вариантами одного слова, сабейского **āndq* "ящик, корабль", разошедшимися позднее как по значению, так и по звучанию.

Русские слова, которым посвящена настоящая статья, объединяются по своему источнику, которым был сабейский язык.

Отметим, что слово *āndq* по своей форме явно несемитское и в сабейском, видимо, являлось заимствованием. Предположение Х.Рикманса об индийском происхождении этого слова¹⁰ кажется наиболее вероятным, однако более конкретно установить источник заимствования пока не удастся.

Материал ивеноарабской морской терминологии пока еще очень невелик. Однако и в таком неполном виде он отражает, видимо, единую традицию мореплавания в Индийском океане, обязанную своим развитием в одинаковой мере народам Африки, Южной Аравии и Индии¹¹.

---

¹ M. Vagner, *Russisches Etymologisches Wörterbuch*. Bd. III. Heidelberg, 1958, p. 46, 205.

² G. Ruckmans, *Inscriptions Sud-Arabses*, XII. "Le Muséon". v. LXVIII, 1955, p. 297-306.

³ A. Jahnke, *Sabaean Inscriptions from Maḥram Bilqis (Mārib)*. Baltimore, 1968, p. 299-302.

⁴ M. A. al-Eryani, *In Yemen History, Yemen-Sanaa*, 1972, p. 67-72.

⁵ J. Ruckmans, *Himyaritica*, III. "Le Muséon", v. LXXXVII, 1974, p. 253-254; ср. J. Ruckmans, *Les inscriptions anciennes de l'Arabie du Sud: points de vue et problèmes actuels* "Oosters Genootschap in Nederland". 4. Leiden, 1973, p. 102-103.

⁶ J. Ruckmans, *Les inscriptions anciennes...*, p. 103.

⁷ H. G. Liddell and R. Scott, *A Greek-English Lexicon*. Oxford, 1958, p. 746. Я пользуюсь случаем выразить свою благодарность И. Ш. Шифману за помощь в истолковании греческих источников и терминов.

- 8 Псевдоарриан, Плавание вокруг Эритрейского моря. ВДИ
 № 2, 1940, с.264-281.
 9 Liddell-Scott, p.1605.
 10 J.Фускманс, Les inscriptions anciennes, p.103.
 11 См. В.М.Мисюгин. Заметки о происхождении восточной мореходной астрономии. "Страны и народы Востока", вып.УП, 1969, с.237-265.

Х.Н.Ниязов

К ЛОКАЛИЗАЦИИ АР-РАДУЙАНИЙ – НИСБЫ АВТОРА
 "ТАРДЖИМАН АЛ-БАЛАГА"

В конце сороковых годов в фондах стамбульской библиотеки "kateh" был обнаружен уникальный список "Тарджиман ал-балāга" ("Толкователь /литературного/ совершенства"), одного из ранних сочинений по теории персидской словесности, считавшегося окончательно утерянным для науки. Позже известный турецкий ученый Ахмед Атеш подготовил его к публикации, снабдив обстоятельным вступительным очерком и научными комментариями на турецком языке¹.

Вновь открытая рукопись раскрывала также неизвестные страницы жизни ряда замечательных деятелей эпохи иранского возрождения. Среди них Ардашер б.Дейламсебар, по прозвищу "Наджм аш-шу'арā" ("Звезда поэтов"), по настоянию которого был создан словарь Асад-и Туси ("Лугат-и фурс")². Список был выполнен его рукой в 507/III4 г., т.е. до рождения Рашид ад-Дина Вагъата (ум. в 573/II77 г.), автора поэтики ("Хадāйек")³, составленной в ответ на "Тарджиман ал-балāга".

Определяя место и значение памятника в истории иранской письменности, Ахмед Атеш в своем вступительном очерке немало внимания уделил уточнению нисб автора, места его рождения. Ибо имя Мухаммад ибн 'Омар ар-Радуийаний, дважды фиксированное в рукописи, было совершенно новым для истории персидской лите-